

Гамаш проснулся через несколько часов от раздирающего, рвущего звука, как будто что-то огромное рвалось к ним. Затем внезапный грохот.

Гром. Не совсем над ними, но близко.

Весь в поту, простыни спутались и намокли вокруг ног, он встал и тихонько побрызгал холодной водой на шею и на лицо, пробуя соль и чувствуя щетину под пальцами и мгновенное облегчение от унылой жары.

'Тоже не спится?'

Только что проснулся, - сказал он, возвращаясь в постель. Он перевернул свою промокшую подушку и положил голову на прохладную наволочку. Но через несколько мгновений она тоже стала горячей и влажной от пота. Он чувствовал, что с минуты на минуту воздух должен превратиться в жидкость.

'Oh,' said Reine-Marie.

'Что?'

Часы только что пошли. Она потянулась, и он услышал щелчок, хотя ничего не произошло. Свет тоже погас. Шторм вырубил электричество".

Гамаш попытался снова заснуть, но образ продолжал навязчиво лезть в голову. Чарльз Морроу,

один в саду, освещенный вспышками молний. Потом снова в темноте.

Он ожидал, что статуя будет властной, повелительной. Но когда холщовый колпак соскользнул со скульптуры, перед ним открылось удивительное зрелище.

Статуя была глубокого волнистого серого цвета, и вместо того, чтобы держать голову высоко и гордо, она слегка склонилась. Казалось, он потерял равновесие, словно собираясь сделать шаг вперед. Но этот Чарльз Морроу не был полон цели и планов. Этот сгорбленный седой человек колебался на своем пьедестале.

Наступила тишина, когда полотно рухнуло на землю, и Морроу снова посмотрели на своего отца.

Миссис Финни подошла к статуе. Один за другим дети последовали за ней, обходя ее, как гайки вокруг болта, затем миссис Финни повернулась к остальным.

"Думаю, пришло время выпить".

И на этом все закончилось. Как только они вошли в дом, Гамаш и Рейн-Мари подошли и посмотрели в это красивое лицо. Прямой благородный нос. Высокий лоб. Губы полные и слегка надутые. Не в осуждении, и не, как подумал Гамаш, не в кислой задумчивости, но что-то хотел сказать. Но больше всего поражали его глаза. Они смотрели вперед, и то, что они увидели, превратило этого человека в камень.

Что видел Чарльз Морроу? И зачем скульптор поместил его туда? И что на самом деле чувствовали Морроу? Гамаш подозревал, что последний вопрос был самым сложным из всех.

В спальне на мгновение вспыхнул свет. Инстинктивно он начал считать. Одна тысяча, две тысячи.

Снова грохот и снова треск.

"Ангелы играют в боулинг", - сказала Рейн-Мари. Мама рассказывала мне.

'Лучше, чем мой ответ. Я вообще-то думала, что это может быть гроза.

'Невежественный человек. Какой вид бури? Лиственная или хвойная?

'Разве это не деревья?'

'Я думаю, вы думаете о кучевом дереве'.

У меня есть идея", - сказал он, вставая с сырой кровати.

Несколько минут спустя, в легких летних халатах, они пробрались вниз по лестнице, прошли через гостиную и вышли на крыльцо. Сидя в плетеных креслах-качалках, они наблюдали, как шторм движется к ним по озеру. Рейн-Мари выбирала пухлые фиолетовые вишни из вазы с фруктами, а Гамаш ел сочный персик. Они были готовы ко всему, что их ожидало. Или так они

думали.

Тишина внезапно нарушилась, когда ветер усилился, зашумел в кронах деревьев, заставляя листья бурно аплодировать грядущему. Гамаш тоже слышал озеро. Волны разбивались о причал и берег, белесые шапки ломались, когда шторм надвигался на них. Гамаш и Рейн-Мари наблюдали, как молния сверкнула и приблизилась, прочертив свой путь по заливу.

Это была большая молния. Ветер ударил в крыльцо, наклонив экраны внутрь, словно хватаясь за них.

Озеро и горы на мгновение вспыхнули. Рядом с ним Гамаш почувствовал, как напряглась Рейн-Мари, когда еще одна огромная молния ударила в лес на другой стороне озера.

'Одна тысяча, два-'

Огромный взрыв грома заглушил их подсчеты. Гроза была менее чем в двух милях от них и направлялась прямо к ним. Гамаш задумался, есть ли в Мануаре громоотвод. Должен, подумал он, иначе он был бы поражен и сожжен много лет назад. Еще одна молния ударила в лес на другой стороне залива, и они услышали огромный треск - это рухнуло старое дерево. Возможно, нам стоит пойти в дом", - сказала Рейн-Мари, но как только они поднялись, сильный порыв ветра обрушился на крыльцо, и вместе с ним хлынул ливень. Они зашли внутрь, промокшие и немного потрясенные.

Боже, как вы меня напугали, - произнес маленький, дрожащий голосок.

Мадам Дюбуа, дезоли, - сказала Рейн-Мари. Дальнейший разговор был заглушен очередным взрывом молнии и грома. Но во время этой вспышки Гамаши увидели, как по Большой комнате

бегут фигуры, похожие на призраков, как будто гроза столкнула Мануар в потусторонний мир.

Затем в комнате стали появляться маленькие пятна света. Проливной дождь бил в окна, и было слышно, как двери яростно стучат на ветру.

Пятна света стали сходиться к ним, и в одно мгновение они увидели, что Пьер, Эллиот, садовник Колин и еще несколько человек нашли фонарики. Через несколько мгновений они устремились прочь, закрывая штормовые ставни и запирая двери и окна. Теперь между молнией и громом не было места для подсчета. Гроза оказалась зажата между горами, не в силах вырваться. Она обрушивалась на Мануар, снова и снова. Гамаш и Рейн-Мари помогали, и вскоре они были заперты в бревенчатом домике.

У вас есть громоотвод? спросил Гамаш у мадам Дюбуа.

"Есть", - ответила она, но в колеблющемся свете она выглядела неуверенно.

К ним присоединились Питер и Клара, а через несколько минут появились Томас и Сандра. Остальные гости и персонал либо спали, либо были слишком напуганы, чтобы двигаться.

В течение часа или больше массивные бревна содрогались, окна дребезжали, медная крыша стучала. Но все выдержало.

Буря ушла дальше, чтобы навести ужас на других существ в глубине леса. А Гамачи вернулись в постель, распахнув окна для прохладного ветерка, который ураган оставил в качестве извинения.

Утром электричество было восстановлено, но солнца не было. Было пасмурно и моросил дождь. Гамаши поднялись поздно и слышали соблазнительные ароматы канадского бекона, кофе и грязи. Запах квебекской сельской местности после сильного дождя. Они присоединились к остальным в столовой, кивнув друг другу.

Заказав кофе au lait и вафли с лесной черникой и кленовым сиропом и посетив буфет, они расположились на ленивый, дождливый день. Но как раз в тот момент, когда им принесли вафли, они услышали далекий звук, настолько неожиданный, что Гамашу потребовалось мгновение, чтобы понять его.

Это был крик.

Быстро поднявшись, он бросился через столовую, в то время как остальные все еще смотрели друг на друга. Пьер догнал его, а Рейн-Мари последовала за ним, не сводя глаз с мужа.

Гамаш остановился в коридоре.

Снова раздался крик.

Наверх, - сказал Пьер.

Гамаш кивнул и начал подниматься, поднимаясь по лестнице по двое. На лестничной площадке они снова прислушались.

"Что над нами? "Чердак. Там есть лестница, спрятанная за книжным шкафом. Сюда. Они последовали за Пьером к небольшому расширению коридора, где были встроены книжные шкафы. Один из них был распахнут. Гамаш заглянул туда. Там была старая лестница, тусклая и пыльная.

Оставайтесь здесь.

Арман? начала Рейн-Мари, но остановилась, когда он поднял руку. Он побежал вверх по лестнице, исчезнув за поворотом.

Голая лампочка раскачивалась из стороны в сторону. В слабом свете плавала пыль, а со стропил свисала паутина. Пахло пауками. Гамаш заставил себя остановиться и прислушаться. Не было ничего, кроме стука его сердца. Он шагнул вперед, и скрипнула половица. Позади него раздался еще один вопль. Он повернулся и нырнул в затемненную комнату. Низко наклонившись, готовый отпрыгнуть в любую сторону, он уставился туда и почувствовал давление в горле.

Сотни глаз смотрели на него. Потом он увидел голову. И еще одну. Глаза смотрели на него из обезглавленных голов. И как раз в тот момент, когда его бешеный мозг зафиксировал это, что-то налетело на него из-за угла и почти выбило его из равновесия.

Бин всхлипывал и цеплялся, впиваясь маленькими пальчиками в бедро Гамаша. Он высвободил их и крепко сжал ребенка в объятиях.

Что такое? Кто-то еще здесь? Бин, ты должен мне сказать".

"М-монстры", - прошептал Бин, глядя на него с ужасом. Мы должны выбраться. Пожалуйста".

Гамаш поднял Бина, но ребенок закричал, словно ошпаренный, и забился в его руках. Он опустил Бина на землю, взял его за руку, и они вместе побежали к лестнице и вниз. Там собралась толпа.

Опять ты. Что ты сделал с Бином на этот раз? требовала Марьяна, царапая когтями своего ребенка.

"Бин нашел головы? спросила мадам Дюбуа. Гамаш кивнул. Старуха опустилась на колени и положила морщинистую руку на крошечную спинку.

Мне так жаль, Бин. Это была моя вина. Это просто украшения. Головы животных. Кто-то застрелил их много лет назад и набил чучела. Я понимаю, что они могут быть страшными, но они не могут причинить тебе вреда".

'Конечно, они не могут причинить тебе вреда'. Еще одна иссохшая рука опустилась на спину Бина, и ребенок напрягся. Теперь без слез, Бин. Мадам Дюбуа все объяснила. Что ты скажешь?

"Мерси, мадам Дюбуа", - послышалось приглушенно.

'Нет, Бин. Ты должен извиниться за вторжение. Вы должны были знать, что туда нельзя ходить. Ты достаточно взрослый, чтобы знать лучше'. "Non, ce n'est pas necessaire", - протестовала мадам Дюбуа, но было ясно, что никто никуда не уйдет, пока ребенок не извинится за то, что испугался до полусмерти. И в конце концов Бина извинилась.

Все пришло в норму, и через несколько минут Гамаши уже сидели в своих плетеных креслах-

качалках на крыльце. В дождливом летнем дне было что-то глубоко умиротворяющее. Снаружи шел мягкий и ровный дождь, освежающий после ужасной жары и влажности. Озеро было тусклым, и на его поверхности виднелись небольшие шквалы. Рейн-Мари разгадывала кроссворд, а Гамаш смотрел на крыльцо и слушал, как дождь барабанит по крыше и капает на траву с деревьев. Вдалеке он услышал крик птицы "О Канада" и ворона. Или это был ворон? Гамаш не очень хорошо разбирался в птичьих криках, за исключением гагар. Но эта птица не была похожа ни на одну из тех, что он слышал раньше.

Он наклонил голову на одну сторону и прислушался внимательнее. Затем он встал.

Это была не птица. Это был крик, вопль.

Это опять Бина", - сказала Сандра, выходя на крыльцо.

'Просто хочет внимания', - сказал Томас из большой комнаты. Не обращая на них внимания, Гамаш вышел в коридор и столкнулся с Бином.

Это был не ты?" - спросил Гамаш, хотя знал ответ. Бин уставился на него.

До них донесся еще один крик, на этот раз еще более истеричный.

Боже мой, что это? Пьер появился в дверях кухни. Он посмотрел на Бина, затем на Гамаша.

"Это доносится снаружи", - сказала Рейн-Мари.

Гамаш и метрдотель поспешили под дождь, не останавливаясь для защиты.

Я пойду сюда, - крикнул Пьер, указывая в сторону домиков для персонала.

Нет, подождите, - сказал Гамаш. Он снова поднял руку, и Пьер замер. Этот человек привык отдавать приказы и быть послушным, понял Пьер. Они стояли, казалось, целую вечность, дождь стекал по их лицам и прилипал к их легкой одежде.

Криков больше не было. Но через мгновение Гамаш услышал что-то еще.

'Сюда'.

Длинные ноги быстро понесли его по дорожке из полевого камня и обогнули заляпанный лужами угол старого домика, Пьер плескался и скользил за ним.

Коллин, садовник, стояла на лужайке, прижимая руки к лицу. Она хныкала, и он подумал, что ее ужалили в лицо осы, но когда он подошел ближе, то увидел ее глаза. Усталые и полные ужаса.

Проследив за ее взглядом, он тоже увидел это. То, что он должен был заметить, как только свернул за угол Мануара.

Статуя Чарльза Морроу сделала тот нерешительный шаг. Каким-то образом огромный каменный человек сошел со своего пьедестала и опрокинулся. Теперь он лежал, глубоко погрузившись в мягкую и насыщенную влагой землю, но не так глубоко, как мог бы, потому что что-то помешало его падению. Под ним, едва заметная, лежала его дочь Джулия.

<http://tl.rulate.ru/book/89525/2863932>